

На правах рукописи

Абдуллина Диана Асатовна

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АКСИОЛОГИЯ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ Л.Н. ТОЛСТОГО**

Специальность 10. 01. 01 – русская литература

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Магнитогорск – 2005

Работа выполнена на кафедре
русской классической литературы
Магнитогорского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
ВЛАСКИН Александр Петрович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
ЮРЬЕВА Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук,
доцент
СОЛОВЬЁВА Ирина Евгеньевна

Ведущая организация: Костанайский государственный
университет

Защита состоится 16 ноября 2005 года в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета К 212.112.02 в Магнитогорском государственном
университете по адресу: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Магнитогорского
государственного университета.

Автореферат разослан "14" *ОКБ* 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М. М. ПОЛЕХИНА

2006-4
13230

2143683

В предлагаемой формулировке темы исследования сопряжены два разнородных культурных феномена – аксиология и первое художественное произведение Л.Н. Толстого. Первый изначально принадлежал области философских знаний и лишь с недавнего времени используется применительно к искусству, в роли особого аспекта интерпретации конкретных произведений. Второй издавна привлекал внимание критиков и читателей. Однако поздние произведения великого писателя – такие, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича» – затмили успех его первой трилогии и отодвинули её на периферию внимания. Таким образом, литературоведческий подход порознь – к аксиологическим явлениям или к трилогии Толстого – оправдан, хотя имеет лишь относительную актуальность. Иное дело сопряжение того и другого – в этом случае новизна и актуальность исследованию гарантированы. В *таком* аспекте именно *это* произведение никто до сих пор не рассматривал.

Аксиологический подход в решении литературоведческих задач в нашей стране стали использовать относительно недавно. Одним из первых его возможности продемонстрировал воронежский учёный В.А. Свительский. В последние годы этот новый подход активно разрабатывается филологами, в том числе из Магнитогорского университета (диссертации, книги и статьи И.А. Анашкиной, Т.С. Власкиной, А.П. Власкина, И.А. Есаулова, В.Б. Петрова, И.К. Подковырова, А.С. Собенникова и др.). Учёные из Орска продемонстрировали возможность объединения усилий специалистов разного профиля в изучении аксиологических проблем (конференция «Единство аксиологических основ культуры, филологии и педагогики», 2001 г.). Один из последних примеров продуктивности использования аксиологического подхода в литературоведении – докторская диссертация В.Б. Петрова. Таким образом, всё шире открывается, что подход этот позволяет эффективно решать проблемы современного прочтения классики. Его можно считать почти универсальным: он допускает углубленное рассмотрение как содержания, так и формы произведений, как авторской индивидуальности, так и тенденций читательского восприятия.

Особого обоснования заслуживает выбор конкретного материала для исследования. Первый вопрос: почему именно «Л.Н. Толстой»? Уже потому, что он был одним из самых нравственно обеспокоенных русских классиков. Даже в его детской утопии о «зелёной палочке» с написанным на ней рецептом всеобщего счастья («символ веры», пронесённый Толстым через всю жизнь) концентрированно выражен тот комплекс ориентиров, который мы сегодня можем называть аксиологическим. Как субъективный пафос исканий Толстого, так и объективный смысл его открытий с самого начала и до конца его творческого пути могут выражаться в аксиологическом измерении – в соотношении *идеала* и целого комплекса разнообразных *ценностей*.

Второй вопрос, который возникает по поводу индивидуальности

дования: почему именно трилогия Толстого «Детство. Отрочество. Юность»? По мнению многих исследователей, это произведение послужило для писателя важнейшей лабораторией для выработки собственного стиля. Однако не только стилевые, но и проблемно-тематические истоки зрелого творчества Толстого следует искать прежде всего в его первом произведении. При этом оно имеет и самостоятельную художественную ценность, содержит множество открытий Толстого. Не случайно Б.М. Эйхенбаум, написавший в 1922 г. монографию «Молодой Толстой», много позже признавал, что среди «трудных и очень важных для понимания Толстого проблем» остаётся всё тот же «молодой Толстой». В разработке этих проблем вполне может быть востребован именно аксиологический подход.

Вышеизложенное позволяет определить параметры диссертационного исследования следующим образом.

Актуальность работы обусловлена, во-первых, сложившейся в литературоведении ситуацией, при которой аксиологический подход в целом уже показал свою продуктивность, однако требует дополнительной апробации на более широком (чем уже было продемонстрировано) историко-литературном материале. Во-вторых, в науке о Толстом за последние десятилетия сделано много открытий, но преимущественно на материале его романов и поздних повестей. На этом фоне обращения к первому произведению писателя - его автобиографической трилогии - выглядят эпизодическими и почти случайными. Вместе с тем, исследователи признают, что эта трилогия содержит в себе многие важные истоки для последующих исканий Толстого. Назрела потребность давно сложившиеся представления о содержательности и художественном своеобразии «Детства. Отрочества. Юности» привести в соответствие с современным состоянием филологической науки.

Новизна работы в методологическом отношении обусловлена тем, что в ней впервые аксиологический подход апробируется на материале повестей Л.Н. Толстого. В историко-литературном отношении это позволит *по-новому* понять своеобразие характера центрального героя, авторскую концепцию произведения и в целом - выявить *новое измерение* в содержании автобиографической трилогии, которое условно можно назвать «аксиологическим подтекстом».

Объектом исследования является канонический текст трилогии Толстого «Детство. Отрочество. Юность», а также подготовительные материалы и отдельные дневниковые записи, имеющие отношение к истории создания этого произведения. Особое внимание по ходу исследования уделено научным комментариям к произведению в составе разных изданий собрания сочинений (в 22 и в 100 томах, под авторством А.В. Чичерина и Л.Д. Громовой-Опульской), а также ряду авторитетных работ, посвященных трилогии (Б.М. Эйхенбаума, П.П. Громова, Б.И. Бурсова и др.).

Предметом исследования является художественно выраженная в

автобиографической трилогии Толстого *аксиология* как подвижная система ценностных ориентаций центрального героя, отражающая закономерности его развития.

Научная проблема для настоящего исследования обусловлена сложившейся ситуацией. когда в первом произведении Толстого критиками и учёными *угадываются* важные истоки его последующих творческих исканий, но эти интуиции остаются не вполне реализованными в интерпретациях трилогии; в то время как зарекомендовавший себя в последние годы аксиологический подход остаётся не востребованным в полной мере для решения подобного рода задач. Таким образом, *проблема* состоит в том, чтобы в свете аксиологических понятий провести анализ автобиографической трилогии Толстого.

Цель исследования – раскрыть аксиологическую содержательность автобиографической трилогии Л.Н. Толстого и внести соответствующие коррективы в научные представления об авторской концепции этого произведения.

Задачи исследования обусловлены поставленной целью и состоят в следующем:

1. Выявить насыщенность текста трилогии Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» аксиологическим содержанием и на этой основе показать наличие в произведении особого измерения – «аксиологического подтекста».

2. Прояснить основные параметры воссозданного автором художественного мира, по которым происходит аксиологическая ориентация центрального героя, и проследить динамику этих параметров в разных частях трилогии.

3. В свете аксиологических понятий выявить логику развития центрального героя, как она раскрывается в каждой из повестей и в масштабах трилогии в целом.

4. Рассмотреть особенности ориентации героя в мире с учётом соотношения различных составляющих – душевных и духовных, социальных и психологических, природных и религиозных – и раскрыть их аксиологическое значение.

5. В ходе анализа текста трилогии выявить те мотивы, которые получают развитие в последующих исканиях Толстого.

Методология работы базируется на идеях современных литературоведов – В.А. Свительского, Г.П. Выжлецова, А.П. Власкина, В.Б. Петрова и др. – о значимости фактора ценностных ориентаций в творческих исканиях писателей и содержательности соответствующего «аксиологического измерения» в художественной ткани литературных произведений.

Методологическим основанием для исследования толстовского текста является сочетание следующих аналитических *методов*:

1) *проблемно-тематического* (изучение тематики и проблематики

произведений писателя в связи с особенностями его миропонимания);

2) *структурно-семантического* (рассмотрение смыслового соотношения отдельных частей произведения, описанных в нём событий и образов в свете трансформации авторской концепции);

3) *генеалогического* (исследование истоков образности произведений, эстетических и философских пристрастий автора);

4) *историко-литературного* (исследование произведений писателя в контексте его творчества и исторического процесса).

В плане апробации в работе используется системный подход к анализу произведения в свете аксиологических понятий, который может – в случае итоговой продуктивности исследования – претендовать на статус *аксиологического метода* интерпретации литературного произведения.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы в учебных курсах русской литературы и эстетики; в спецкурсах и спецсеминарах по творчеству Л.Н. Толстого; в курсах филологического анализа, а также при разработке тематики курсовых и дипломных работ.

Апробация: диссертация обсуждалась на заседании кафедры русской классической литературы МаГУ. Материалы исследования нашли отражение в докладе на внутривузовской научной конференции МаГУ в 2005 г. Основные положения работы изложены в трех публикациях.

Структура: диссертационная работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка использованной литературы (200 наименований). Общий объем диссертационной работы составил 206 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** предпринят краткий обзор «истории вопроса», который позволил выявить актуальность работы. На этой основе поставлена научная проблема, дано развёрнутое обоснование выбора темы, объекта, предмета и других параметров предпринятого исследования.

Особое внимание уделено аксиологическим понятиям – ценностям, нормам и идеалам. Среди них центральной и общепринятой категорией является «ценность». Аксиология занимается «исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретных деяний и поступкам» («Новейший философский словарь», с 24). Ценностям при этом придаются широкие и разные значения, которые для практического использования аксиологических понятий в качестве средств анализа должны быть упорядочены. В нашей работе за основу взяты представления, впервые обоснованные в диссертации Т.С. Власкиной в 1996 г. Они сводятся к следующему.

Для конкретизации собирательного понятия *аксиологические ориен-*

тиры целесообразно видеть в них иерархию и возможные соотношения. Поэтому предлагается понимать под *ценностями* относительно конкретные и реально достижимые ориентиры. Среди них различимы: семейное благополучие, любовь, долг, доброе имя, карьера, образование, успехи по службе, деньги – и проч. Для продвижения к различным ценностям вырабатываются – сознательно или инстинктивно, индивидуально или коллективными усилиями – разнообразные *нормы* жизни и поведения. Наконец, человек – существо духовное, не всегда и не во всём прагматичное. Помимо целей реальных и достижимых, для него могут иметь значение цели высшие, ориентиры мечтательные, которые относятся к области *идеалов*.

В соотношениях трех выделенных категорий возможна динамика – например, взаимопереходы и взаимоподмены. Чтобы разобраться в сложных вариантах соотношения норм, ценностей и идеалов, необходимо иметь в виду разные их уровни и различать ценности объективные и субъективные, истинные и мнимые, постоянные и преходящие, и т.д. Очевидно, что единого и убедительного критерия для различения ценностей разного порядка (а также норм и идеалов) существовать не может. Одна и та же ценность, в зависимости от точки зрения или обстоятельств, может представляться как истинной, так и ложной. Поэтому при комментариях к аксиологическим соотношениям в большинстве случаев приходится полагаться на здравый смысл и интуитивные оценки. То есть в аксиологическом подходе определенная мера субъективности «наблюдателя» будет неизбежна.

Литература – в силу задач отражения и познания действительности – воспроизводит все те явления, которые обозначены здесь как аксиологические ориентиры и соотношения. Поэтому следует ожидать, что соответствующий – аксиологический – уровень в произведении всегда присутствует. Его можно и нужно рассматривать – что и предполагается в данном случае осуществить на материале автобиографической трилогии Л.Н. Толстого.

Глава первая. Аксиологическая содержательность повести «Детство». Каждая часть трилогии представляет самостоятельный этап развития героя, а все вместе – последовательный процесс его взросления, подчиненный авторской логике. Она подразумевает переходы с одного этапа на другой, которые сопровождаются не только приобретениями, но и потерями, и возвратами к чему–то утраченному.

«Детство» представлялось Толстому средоточием душевного содержания, которое должно было составить перспективу духовного роста центрального персонажа. Герой, по замыслу писателя, должен был уходить из «Детства» в мир душевных волнений, а затем, с опытом проб и ошибок, возвращаться к прежним ценностям. Они оказывались достижимы лишь при выработке определенных норм уже сознательного восприятия этих конечных ориентиров, т.е. в ходе духовного роста.

1.1 «Детство» как эпоха аксиологических влияний. Миру детства свойственна особая иерархия ценностей. В последующие «эпохи развития»

происходит неизбежная их переоценка. Однако исходные аксиологические впечатления остаются неповторимыми, в чем-то образцовыми и навсегда входят в жизненный опыт человека.

Уже в двух первых фразах трилогии, во-первых, обозначены две разновидности ценностей, доступных восприятию ребенка, – наивно-желанные (подарки) и непреходящие (запечатленные в образке ангела). Во-вторых, мир детства здесь противопоставлен миру взрослых. Они не замкнуты, однако во многом самостоятельны, и каждый имеет свои аксиологические приоритеты. Их соотношение и взаимодействие – одна из составляющих контекста, который предположительно пронизывает всю трилогию. С одной стороны, мир взрослых притягателен для ребенка, так как является источником и «гарантом» детских ценностей. Поэтому многие приметы взрослых отношений и сам процесс взросления предстаёт в детском восприятии как самостоятельная комплексная ценность. С другой стороны, мир взрослых для ребенка – источник не только ценностей, но также недоумений и наивных обид.

В первых главах принципиальную роль играет также мир природы, имеющий свои аксиологические координаты. Дети у Толстого, как правило, вступают с природой в более бескорыстные отношения, чем взрослые. В динамике ценностей взрослого мира почти неизбежен оттенок экспансии по отношению как к детскому миру, так и к миру природы.

Одна из важнейших в «Детстве» – тема семьи и семейных ценностей. Самостоятельная тема матери, возникая в первой главе, затем выходит на первый план и затем акцентированно выражена в финале. Образ матери – личностное выражение еще одного (наряду с миром взрослых и миром природы) самостоятельного «ценностного центра» (М.М. Бахтин).

В событиях, связанных с переездом в Москву, прослеживается закономерность аксиологических соотношений: нарушение центральной ценности – семейного благополучия – сопровождается искажением всего комплекса норм, которыми эта ценность обеспечивалась и поддерживалась. Среди этих норм наблюдаются как генеральные (совместная жизнь всех членов семьи), так и частные (утреннее чаепитие). И соотношения представляются взаимообратными, так что нельзя однозначно прояснить, что от чего напрямую зависит – нормы от ценности, или наоборот.

В первых же фрагментах повести сказывается своеобразие толстовского стиля – выявляется сочетание двух составляющих – изобразительной и выразительно-эмоциональной. Развитие другой составляющей стиля – рационалистической стихии – исследователи склонны относить к более позднему периоду творчества Толстого. Однако аксиологический анализ позволяет выявить её в тексте первой повести. Так, улыбка матери для персонажа реальна и доступна. Для автора же она существует в воображении на правах *идеала*. Как идеал, она служит ему своего рода этико-эстетической путеводной звездой. И эстетическую значимость материнской

улыбки писатель делает предметом рационалистической рефлексии.

Важны эпизоды, в которых раскрывается имманентная жизнь детского мира (прогулки, разговоры, игры). Выясняется, что приоритетная ценность для детской компании – это родство душ, которое выражается в любых формах (а значит, и нормах) общения. Между тем, расставание неизбежно по законам взрослого мира, неясным для детского сознания.

Особое аксиологическое значение имеет описание охоты. Во-первых, здесь наглядно выражено сопоставление (очная ставка) разных миров – взрослого, детского и природного. Во-вторых, дано средоточие всех тех ценностей усадебной жизни, которых герои будут лишены с переездом в Москву. В-третьих, развивается мотив социального неравенства. В-четвертых, охоту Толстой обрисовал как особое состояние жизни. Как «Севастопольские рассказы» послужили творческой лабораторией для написания военных сцен в эпопее «Война и мир», так и охота из «Детства» будет развёрнута в более подробные описания в «Казаках» и «Войне и мире».

В охоте сохранились особенные ценности, имевшие общечеловеческое значение. В их составе – обеспечение благополучия семьи и рода, а также стихийное установление более естественных (по сравнению с обыденной жизнью) взаимоотношений между людьми разных социальных слоёв – другой «меры вещей». В «Детстве» социальное неравенство подчеркнуто более явно и даже острее, чем в поздних произведениях.

В сцене охоты аксиологически важен мотив, связанный с восприятием микрокосмоса природной жизни глазами ребёнка. Мотив этот развёрнут подробнее, чем соответствующие эпизоды «Войны и мира», и прямо готовит описание охоты в «Казаках».

«Охота» и «Игры» дают примеры аксиологической рассогласованности взрослого и детского миров. «Охота» демонстрирует художественную концентрацию своеобразных взрослых игр.

В процессе взросления центрального героя важную роль играет пример взрослых, прежде всего родителей. Они должны передать детям свои ценности, помочь выработать жизненные нормы, разбудить в них стремление к идеалам – так обеспечивается культурная преемственность поколений, передача своего рода аксиологической эстафеты. Если роль родителей оказывается благотворной, то процесс взросления пройдёт легче и естественнее. Толстой в интересах замысла избирает другой вариант.

Разные ценности руководят намерениями и поступками родителей Николеньки Иртенъева, и потому их образы имеют разную аксиологическую значимость. С отцом связано первое выражение мотива социальных ориентиров, который позднее будет развиваться глубже. С образом матери связан мотив духовных (в частности, религиозных) ориентиров. Согласно замыслу, процесс взросления героя должен был проходить в перспективе душевного и духовного роста. И отец показан таким, чтобы было ясно: рассчитывать Николеньке придётся на собственный опыт. В этом состояла

аксиологическая интрига, поддерживающая интерес к судьбе персонажа.

В «Детстве» на переднем плане – опыт душевной жизни героя. Духовный опыт должен придти позднее. Однако некоторые его ростки автор показывает уже в детстве героя. Прежде всего, это инстинкты любовного отношения к окружающему миру и к людям. Подробно развёрнуты отношения к матери и отцу, Карлу Ивановичу и Наталье Савишне, брату и сёстрам, и т.д. Обеспечено это в большей степени душевными свойствами, но составляет благодатную почву для последующего духовного роста.

Уже в первых главах обозначен духовный ориентир – это религиозная вера. В первую очередь здесь сказалась роль матери, которая воспитывала сына в религиозном духе. В описании того, как герой воспринимает её образ, Толстой художественно воспроизводит ситуацию интуитивного выхода даже за рамки церковных канонов.

В двух колоритных народных образах выражены в «Детстве» те ценности, которые могут играть для представителей дворянской культуры роль идеалов. В юродивом Грише – это способность к насыщенной религиозной жизни, в Наталье Савишне – необычайный талант любви к ближнему. Позднее Толстой будет художественно исследовать в своём творчестве именно эти идеалы. В образе юродивого Толстой сосредоточивает внимание на том явлении, которое позднее окажется важным для ориентации собственной религиозной позиции писателя, – на «мужичьей вере». Через отношение к юродивому показана возможность восприятия и сопереживания ребенком аксиологического состояния самой высокой пробы

Сам факт необратимости перемен в ходе развития человека обуславливает аксиологическую переориентацию: недостижимые для взрослого человека *ценности* детского состояния оборачиваются своеобразными *идеалами*. Ценности детства не утрачены безвозвратно, герой может к ним вернуться, но путём проб и ошибок, преодоления заблуждений, в перспективе перехода от душевной многосоставности (и разбросанности) к духовной собранности и состоятельности.

1.2. «Детство» как эпоха первых аксиологических испытаний.

В описании переезда в Москву характерен сбой в хронотопе, который будет давать о себе знать на протяжении всей второй половины повести. Городская жизнь – это новый этап, но ещё в рамках детской эпохи развития

Здесь впервые выводятся такие значимые для самого писателя ценности как эстетические, но представлены они в искажённом виде. В мире взрослых эстетических оценок оригинальность, творчество – не являются приоритетными ценностями. Ценится в этой среде способность непринужденно следовать за самыми умелыми, ловкими и успешными «творцами».

В душе героя происходит столкновение враждебных элементов: искренности и лицемерия. Искренность – безусловная ценность, неразрывно слитая с нормой повседневного поведения. До сих пор эта аксиологическая «связка» доминировала в жизни героя, потому что составляла одну из сти-

хий в доме Иртеневых. Лицемерие же едва ли может составлять ценность. Однако в условиях московской дворянской среды оно является не менее заразительным аксиологическим ориентиром, чем любая подлинная ценность, потому что представляет собой «победительную» (в плане достижения результатов) норму жизни. Это своеобразная стихия, и она проникает на инстинктивный уровень душевной жизни ребенка, окунувшегося в лицемерную среду. Ценность искренних чувств и поведения останется для него непреложной, но здесь она подвергается разнообразным испытаниям.

Следующая ценность, которую выявляет автор в своей повести, – это красота человеческого облика (в частности, лица). Автор выявляет незрелость персонажа через его аксиологическую дезориентацию: он «всё» готов отдать за красоту лица. Среди этого «всего» оказываются безусловные ценности, указанные мальчику матерью, – ум и доброта.

Далее опыт героя расширяется – и понятие о красоте человеческого облика усложняется. Связано это с образом князя «Ивана Ивановича». В нём молодой Толстой воплотил свой идеал культурного светского человека (идеал, который представлялся не вполне достижимым, но желанным). Выразительна переключка уровня образованности князя с личной программой самообразования Толстого. (Отдельные черты того же идеала позднее найдут выражение в образе Андрея Болконского.) Среди авторских ценностей, нашедших отражение в этом идеале, выделяется *универсальность познаний*. Позднее, в «Юности», эта ценность окажется в противостоянии с другой, более конкретной – университетским образованием.

В «московских главах» выражена такая значимая ценность, как дружба. Первый опыт героя – неполноценная дружба с Серёжей Ивиным. Она проходит здесь ряд испытаний. В столкновении с подлинной душевной ценностью – добротой и инстинктом сочувствия к существам обиженным (Иленька Грап) – неполноценная «дружба-любовь» даёт первую трещину. Однако лишь иная новая ценность могла не столько разоблачить эту дружбу, сколько вытеснить её из души героя. В роли такой ценности выступает первая влюблённость (в Сонечку) – чувство естественное и потому более полноценное, чем «дружба-любовь» к Серёже.

Любовь как новая ценность носит ещё незрелый характер. Поэтому она распространяется в душе по законам экспансии, «захвата территории». Она требует жертв во имя себя и готова вытеснить или подавлять все остальные привязанности. Так, она приходит в столкновение с прежними ценностями с добросердечием и привязанностью к домашним.

Выразителен аксиологический «кризис» героя: под влиянием житейской неудачи новые ценности, поманившие его в «московский период», показались безнадежно недоступными. И происходит инстинктивный возврат к ценностям домашним, «деревенским», среди которых центральное место занимает образ матушки и всё, что с ним связано. Примечательна острая ставка ценностей прежних и новых: прошлое не забыто, продолжает

жить в душе и поддерживать в кризисные минуты. Прежние ценности укоренены в душе и остаются её «золотым запасом» на будущее.

Как дружба, так и любовь являются здесь лишь первыми душевными опытами на пути к взрослой жизни и зрелым аксиологическим ориентирам. Дружба не выдерживает первых же испытаний. Но аксиологическое значение её сохраняется и выражается в том, что она оборачивается нормой душевной жизни для взрослеющего мальчика с любящей душой. Ему необходим объект для проявления душевной щедрости. По той же закономерности и первая влюблённость – всего лишь норма для детской души. В перспективе то и другое способно обернуться подлинными ценностями и даже вырасти в своём аксиологическом статусе – приобрести свойства идеалов. На ценностный уровень эти явления душевной жизни будут выведены Толстым в последующих частях трилогии. Идеальный же уровень выражения как дружбы, так и любви станет для писателя предметом художественных исканий в поздних произведениях («Война и мир», «Анна Каренина»). Но важно, что уже в трилогии намечена перспектива аксиологического развития, ценностной динамики души. От дружбы–любви к Серёже Ивину до полноценных дружеских отношений с Дмитрием Нехлюдовым (в «Юности») проходит цикл душевной жизни Николеньки.

Глава «Горе» посвящена испытанию, которому подвергается центральная для героя ценность – ощущение близости с матерью, как своеобразная душевно–духовная пуповина. Все прочие его ценности до сих пор восходили к этому единственному аксиологическому центру его душевной жизни. В итоге сын оказывается не только генетическим, но и духовным наследником – ему переходит роль живого носителя аксиологических впечатлений, связанных с памятью о матери. В этом случае ценность не размнивается на нормы поведения (как это показано на примере отца), а лишь повышается в своём аксиологическом статусе – переходит на уровень выше, в область мечтательного идеала.

Смерть матери сыграла важную роль в судьбе героя. Ему это событие суждено было пережить, чтобы выйти из полосы эмоциональной безмятежности и аксиологической безответственности. Нужно было учиться нести личную, повседневно вырабатываемую ответственность за свои чувства, оценки и поступки. Горе способствовало душевному росту, взрослению, произошёл перевод его отношений к матери на более высокий аксиологический уровень. В той же связи по–новому проясняется и аксиологическую значимость образа Натальи Савишны. Обе женщины – мать и няня – приобретают для героя значение *идеала* в том смысле, что влияют на его развитие и служат ориентиром на будущее. Если раньше с образом матери у героя были связаны первые религиозные интуиции, то на исходе детской эпохи особенно важен оказывается религиозный опыт Натальи Савишны.

Примечателен финальный образ: в часовне похоронена матушка, за чёрной решёткой – няня. Сопоставление принимает художественную фор-

му: образы привязаны к детализированным и в то же время символическим координатам. Финал повести важен в своей неоднозначности: с одной стороны, он подводит итог описанному этапу взросления героя, а с другой – предвещает перспективу этого движения в будущее.

Глава вторая. Аксиологическая содержательность «Отрочества» и «Юности». В критических и научных отзывах о трилогии можно встретить, наряду с недооценкой значимости второй и третьей повестей, другую крайность – акцент на целостности автобиографической трилогии, без какой-либо дифференциации её частей. Дополнительная задача в этой главе – преодолеть обе крайности.

2.1. Трудности самоопределения героя в повести «Отрочество». С первой же главы принципиально восприятие героем разных людей и разных состояний природы. Просматривается логика и в самих переходах от одного впечатления к другому. Важно, что под влиянием новых впечатлений он даже разучился искренне молиться.

Недостаточно сказать, что период отрочества начинается для героя со «встречи с миром своей страны» (Л.Д. Громова–Опульская). Нужна поправка: перед героем разворачивается мир пёстрый, кажущийся желанным, но оборачивающийся чужим, отгороженным незримой преградой. Преграда эта обусловлена разностью интересов, фактически – разными ценностными установками. В «Детстве» виден был акцент на возможности совмещения интересов. В «Отрочестве» открывается аксиологическое разобщение интересов в общих социальных координатах.

К грозе как природному явлению естественным образом приводит и на ней замыкается вся череда дорожных впечатлений героя, в которых нагнетался мотив разобщения людей. В сцене встречи с нищим разобщение людей достигает кульминации. Они будто бы подтверждают, что заслужили эту грозу, как «гнев Божий».

Углубляется понятие о принципиальном неравенстве людей, в социальном отношении равных и даже родных по крови. Более того, один и тот же человек может (и должен *уметь* и даже *имеет право*) быть разным. Социальные причины этой разности – лишь один из самых внешних уровней её выражения. В восприятии героем нюансов социальных отношений выражается его практический инстинкт двоякого значения. С одной стороны, от ценностей материальных привилегий отказаться не легко; признание своего особого положения у Иртеньевых в крови. Это как бы аксиология на генетическом уровне. С другой стороны, «практичности» может сопутствовать и тактичность. Тогда в душе героя сказывается иная аксиология: личное достоинство – своё и чужое – одна из высших ценностей. «Диалектика души» у Толстого заключается в том, что его герой способен совмещать в «душевном организме» разнородные побуждения (В.Д. Днепров)

В чувстве разобщения людей – одна сторона открытия, сделанного героем на пороге отрочества. Другая состоит в том, что ему открывается

как важная ценность – другая индивидуальность, чужое «я» (и множество этих «я»). Открытия *других* сопровождается открытиями себя самого, своего неповторимого «я». Чтобы повзрослеть и вступить на самостоятельный путь, герою нужно было вполне ощутить и осознать своё одиночество. Это становится одной из ведущих линий сюжета в повести.

Выразительны отношения к горничной Маше. С одной стороны, здесь важны ростки полового влечения, ощущения *женщины* как человека иной природы. С другой стороны, герой открывает в себе побуждение к самопожертвованию во имя чужого счастья. Этот душевный росток рассчитан на перспективу духовного роста героя. Признание ценности чужого счастья даже в ущерб собственным интересам оборачивается повышением ценностного статуса собственных душевных свойств.

В свете открытия героем *других людей* может быть интерпретирована история его взаимоотношений с гувернёром (П.П. Громов видит в этой истории «сюжетную вершину» повести). Образ гувернёра важен не только сам по себе, но и в сопоставлении с прежним воспитателем, подобно тому, как «московский» период в целом – в сопоставлении с «детским» этапом жизни. В душе героя с момента переезда в Москву росло душевное неблагополучие. Разобщение с людьми и трудности самоопределения ощущались как душевный разлад. Всё это персонифицировалось в образе гувернёра и вылилось в конфликтные отношения с ним. При этом примечательно описание сложнейшего – надрывного – состояния души. Позднее подобные состояния неоднократно описывал Достоевский. Толстой уже в первом произведении поднимается на те же высоты «человековедения».

На негативном фоне испытываемого разобщения с людьми герой познаёт ценность общения (одну из приоритетных для Толстого в перспективе всей его жизни). Трудными путями он пытается вписаться в систему норм взаимоотношений с самыми разными – как близкими по духу, так и чуждыми ему – людьми. О прежних идеалах, живым ощущением которых было пронизано детство, в «Отрочестве» почти не упоминается.

Особый объект внимания – одноимённые главы в каждой из повестей. Глава «Отрочество» отличается, в первую очередь, критическим тоном характеристики текущего этапа развития героя, в отличие от идеализации в главе «Детство». Прежде в центре внимания было сердечное общение с матерью – то есть вершина эмоциональной жизни героя. В «Отрочестве» же внимание сосредоточено на интенсивном интеллектуальном развитии подростка. И подчёркивается, что оно носило уединенный характер (в отличие от общения в «Детстве»). Таким образом, прежняя оппозиция, сопровождавшая переход от детства к отрочеству (общение–разобщение), дополнена здесь новой оппозицией (эмоциональное–интеллектуальное, или в ином выражении: сердечное–разумное).

В главе «Отрочество» Толстой выносит приговор характерному для этого периода «тяжелому моральному труду». Заблуждения явились для

подростка морально тяжёлым, но неизбежным этапом, необходимым в процессе становления личности. Прежние ценности, при всей их значимости, были изначально присущи человеческой натуре героя. В новых условиях актуальна выработка иных ценностей, в том числе – самостоятельного отношения к жизни, к людям и к себе самому, к своему месту среди людей. Неизбежный конфликт ценностей явился новым отражением уже замеченной ранее закономерности (движение через разобщение с людьми к познанию особенности каждого и неповторимости собственного «я»).

Среди новых ценностей, открывшихся герою, – его мнение о себе, чужое мнение о нём и, наконец, согласованность этих мнений, а в более общем виде – достижение желанного согласия. Пути к согласию с людьми намечены в завершающей части повести. Во-первых, дружба является одним из путей преодоления разобщения и достижения новой ценности – с единения с людьми. Во-вторых, в процессе развития дружба вырастает до статуса особой самостоятельной ценности. Эту ценность Толстой будет исследовать позднее, в «Войне и мире». В-третьих, история дружбы завершает «Отрочество» и развивается в «Юности». Тем самым она служит переходным звеном в общей композиции. Кроме того, автор показывает, что не так уж безысходен был для героя этот этап его развития, коль скоро он дал «на выходе» такое перспективное аксиологическое открытие.

В последней главе выработана своеобразная норма, связанная с дружбой, – благотворное влияние друг на друга, преимущественно старшего на младшего (по возрасту или по уровню душевной зрелости). Здесь же выделяется ценность *самосовершенствования*. Она прямо сориентирована на идеал добродетели.

В заключительном пассаже повести Толстой подводит аксиологический итог всему периоду отрочества и предвещает дальнейшие юношеские искания героя. Сакраментальный вопрос «кто виноват?..» задаёт нечто вроде творческой программы на перспективу следующей повести. «Юность» как раз и предоставит материал для ответов: кто (или что) и в какой мере виноваты в том, что мечтам не дано было осуществиться.

2.2. Надежды и разочарования героя в повести «Юность». Аксиологическая логика юношеского развития героя в общем виде такова. «Жизненные пути» – это нормы. Но для Иртеньева на этом этапе они непродуктивны, т.к. сориентированы не на определенные ценности, а непосредственно на идеалы. Происходит нарушение преемственности аксиологических ориентиров, в которой нормы обеспечивают достижение ценностей, а те, в свою очередь, сориентированы на идеалы. Выпадение ценностей из этой цепочки преемственности не могло не обернуться для героя заблуждениями.

Мажорный тон в первых главах обусловлен открытием «нравственного усовершенствования» как доминирующей ценности. Интуиция подсказывает герою, что к ней необходимо намечать пути. Потому он и занят

«составлением блестящих планов». Однако его целеустремленность носит эмоциональный характер. Переход от слов к делу невозможен лишь через душевный порыв. Пути движения не вырабатываются, потому что за ценность принимается нечто вроде идеала. Таким образом, на пороге юношеского развития героя происходит своеобразное аксиологическое недоразумение, и это служит тревожным авторским прогнозом. Однако далее Толстой признаёт, что сама способность ощутить идеал и оставаться преданным ему, несмотря ни на какие разочарования, важнее любых ошибок в выработке нравственных норм. Способность эта важнее самой путаницы в различении доступных и отдалённых аксиологических ориентиров.

Много изменений происходит в религиозных настроениях героя. В «Юности» эти мотивы возникают с первых же глав – но в преображенном виде и с явными потерями. Вместо религиозных настроений пришло почти формальное признание своих религиозных обязанностей. В дальнейшем эта тенденция находит свою кульминацию в описании «исповеди».

На исповеди дома и в монастыре героем владеют разные настроения. Вначале это религиозность, т.к. его вдохновляет причастность к «божественному». Но вслед за этим им овладевает тщеславие, и он умиляется на самого себя. Парадоксальным образом сменяют друг друга две крайние позиции: «как же далеко мне до идеала» и «какой же я хороший». Переводя на язык аксиологических понятий, можно говорить о том, что герой ориентируется на противоречащие друг другу ценности. Одна из них истинная, духовная; а другая – ложная, эгоистичная. Первая предполагает возможность совершенствоваться и служит стимулом к этому. А вторая обманывает чувством уже достигнутого совершенства и тем самым тормозит душевное развитие. Последнее герою то и дело испытывает на себе.

Важно, что если раньше герою открывались чужие «я» в их неповторимости, то теперь ему довелось соприкоснуться с целыми обособленными «мирами» (миры монастырской жизни и трудового городского люда).

Долгожданный переход Иртеньева в мир взрослых происходит в результате его поступления в университет. Однако границы детского и взрослого миров размываются по логике уподобления, а не развития. Во-первых, ещё детские запросы героя удовлетворяются будто бы взрослыми нормами жизни. Во-вторых, в поведении взрослых обнаруживаются детские нормы и ценности, приметы инфантилизма. Т.е. детские души поддаются порче взрослыми заблуждениями, а взрослым не удаётся изжить в себе детские черты (обидчивость, наивность и др. признаки незрелости).

Мир взрослых оказывается не таким цельным и самостоятельным, как это казалось герою прежде. Он расслаивается на более узкие мирки (или «круги»). Наиболее очевидными из них являются социальные слои и группы общества. Однако люди даже одного социального круга руководствуются разными ценностями. Мир взрослых отношений чреват многими испытаниями, неприятными открытиями, и сам процесс взросления

протекает с неизбежными аксиологическими потерями. Например, утрачивается прежняя чистота и искренность увлечений.

Одно из важных открытий героя в том, что ценности могут вступать в сложные взаимоотношения, не согласуясь, но и не отменяя друг друга. Та же закономерность присуща и нормам. Так, плохо согласующимися ценностями оказываются состоятельность («деньги») и душевное благородство. В одних людях они уживаются, а других запутывают. Соответственно, путается герой и в таких нормах, как благородные слова и благородные дела.

Ряд обособленных «миров» пополняется для героя семейством Нехлюдовых. Лишь в этот круг ему удаётся войти органично, почти без потерь, и сделать здесь ряд открытий. Одно из них в том, что чужое мнение о себе может представлять большую ценность, чем прежняя, проверенная временем. Другое открытие связано с проблемой любви. Любовь как непреложная ценность ощущалась героем в период отрочества. Этот прежний душевный «след» находит в «Юности» почти пародийное продолжение. На момент написания этих глав сам Толстой был под влиянием скептического отношения к достоверности ценностных признаков любви в её межполовом выражении. Однако масштабно и выразительно открывается герою любовь деятельная. Ещё одно открытие связано с тем, что одинаково безусловные ценности могут не сочетаться в душевном мире человека. И доброта, любовь к ближним вовсе не предполагают тонкости душевной организации во всём остальном. Для самого Иргенева две характеристики – любовь к природе и ложная понятая оригинальность – поставлены в отношении соперничества, и он на время предпочитает второе.

Однако ценности истинные могут лишь на время проигрывать ложным, потому что в образ героя заложена логика развития, а не деградации. Это раскрывается в смысловом центре повествования, который составляют две главы в их сочетании – «Comme il faut» и «Юность». В первой из них достигает крайнего выражения аксиологическое недоразумение (примеры которого уже встречались в трилогии). Во второй важны подробные описания природы, перемежающиеся с обращениями к эмоциональному миру героя. Природа стимулирует мечтания, а те, в свою очередь, окрашивают настроениями доверия и надежды восприятие природы.

На примере героя автор разворачивает в главе «Юность» тему возможного продуктивного контакта человека с природой. В частности, мир природы органично нормален, то есть является средоточием и выражением естественных норм жизни. Но природа может также являться для человека источником ценностей иного порядка – красоты, вдохновения, одухотворенной любви и др. Мир природы ощущается героем как бесконечный кладёз ценностных ориентиров. Он представляется чем-то более широким, чем человек способен вместить и освоить (Толстой здесь поднимается до уровня тютчевской «поззии природы»). В то же время ощущение неисчерпаемости богатств природного мира возможно лишь в силу человечно-

сти этих впечатлений и запросов. Т.е. лишь на бесконечность человеческих запросов природа откликается бесконечностью своих возможностей. Логика контакта человека с природой обусловлена встречей «двух бесконечностей», которые способны пересекаться, но никогда не совпадают.

Ранее опыты контактов героя с различными «мирами» (монастырский, народный, «нехлюдовский», университетский и прочие) оказывались в аксиологическом отношении бесплодными. Теперь показан полноценный контакт с миром природы, аксиологически продуктивное, даже эвристичное вхождение в этот мир. Природа реабилитирует для героя и ценности любви. В реальности она не может удовлетворить эту потребность, т.е. обеспечить встречу с *ней*. Поэтому любовь из разряда ценностей переходит в разряд идеала. И это – не единственный идеал, здесь открывающийся.

В этой же ключевой главе происходит возврат Иртеньева к духовным ценностям высшего порядка. Живой контакт с природой, открывший герою мир вечных ценностей и позволивший ему войти в состояние религиозного вдохновения (наполниться светом духовного идеала), закономерно бросает свет истины и на всё предыдущее содержание – производит переоценку ложного развития героя. Эта глава не столько оказывается в диссонансе с содержанием остальных глав, сколько призвана служить душевной компенсацией «мелких людских страстей». Под их влиянием герой уже прошёл целый круг заблуждений, и ему ещё доведётся испытать мнимую катастрофу. Но способности, открывшиеся в главе «Юность», служат залогом того, что духовное развитие героя возможно, и любые его заблуждения не являются необратимыми.

Тем не менее, повесть не завершается на этих обнадёживающих нотах. Последние главы содержат рассказ о новых открытиях героя и наиболее тягостных для него заблуждениях. Так, например, в среде студентов-разночинцев Иртеньева привлекают преимущественно новые нормы жизни (поэзия быта, кутежи, трудолюбивые совместные занятия и прочее). Вместе с тем, он ощущает рассогласованность ценностных ориентаций. Нельзя принять нормы, не понимая, к чему они ведут, не имея в виду ценностей. О совместных же идеалах в таком случае не может быть и речи.

Принципиально важно, что в финале герой признаёт весь юношеский период развития ошибочным и намерен «начать с начала». Он возвращается к собственным нормам и ценностям, как бы наивно ни были они выражены в составленных когда-то «правилах жизни». Искать нужно собственные пути развития и иметь при этом в виду собственные же ценности и идеалы. Именно к этому сводится финальное открытие героя, выраженное в повести. Такое открытие, конечно, предполагало открывшую же перспективу аксиологического развития Николая Иртеньева.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, в соответствии с изначально поставленными задачами. Намечаются возможные перспективы использования апробированного в работе аксиологического подхода. В ча-

стности, в качестве многообещающих объектов внимания выделяются другие произведения Л.Н. Толстого – «Севастопольские рассказы», «Казачьи» и «Война и мир».

По материалам диссертации опубликовано 3 работы:

1. Возможности аксиологического подхода в прочтении автобиографической трилогии Л.Н. Толстого // Три века русской литературы : актуальные аспекты изучения. – М.; Иркутск : Изд-во Иркутского гос. пед. ун-та, 2004. Выпуск XI. – С. 124–133.
2. Аксиологические средства анализа художественного текста (Л.Н. Толстой) // Современные проблемы науки и образования : тез. докл. XLIII науч. конф. – Магнитогорск : МаГУ, 2005. – С. 230–231.
3. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л.Н. Толстого // Благословенны первые шаги... : Сборник работ молодых исследователей / Под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МаГУ, 2005. Выпуск VI. – С. 130–138.

№ 19203

РНБ Русский фонд

2006-4

13230

Регистрационный № 1348 от 09.03.2004 г. Подписано в печать 11.10.2005 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,00. Уч.-изд. л. 1,00. Тираж 100 экз. Заказ № 501.

Бесплатно.

Издательство Магнитогорского государственного университета

455038, Магнитогорск, пр. Ленина, 114

Типография МаГУ